

Трансгуманизм в аналитических перспективах классической и неклассической социологии

А. В. Щербина✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉ashcherbina@list.ru

Введение. Цель исследования – анализ и обобщение взглядов на трансгуманизм (далее – ТГ), представленных в современном дискурсе, и концептуальных подходов к оценке последствий его распространения. Актуальность социологического анализа ТГ определяется интенсивностью дискуссий и противоречивостью его оценок в социальных медиа и экспертном сообществе, ростом его международного влияния и угроз воплощения новых норм, задаваемых идеологией ТГ. Научная новизна работы состоит в типологической интерпретации понятия ТГ в его деятельностном и информационно-коммуникативном аспектах.

Методология и источники. В работе использованы результаты исследований, представленных в отечественных и зарубежных публикациях о трансгуманизме, материалы публичных страниц онлайн-сообществ «Трансгуманизм» и «Трансгуманизм без границ» в социальных сетях «ВКонтакте» и «Живом журнале». Привлекаются объясняющие модели классической и неклассической социологии: теория подражания Г. Тарда, социокультурный подход Э. Дюркгейма, структурно-функциональный анализ Т. Парсонса, генеалогический анализ М. Фуко, теория рациональности Ю. Хабермаса. Используется историко-генетический метод, адекватный индивидуализирующему характеру социально-исторического познания.

Результаты и обсуждение. ТГ – новая глобальная идеология, которая конфигурирует образы социального мира, восходящие к архаичным мифам, с представлениями синтетической теории эволюции, технауки, социальной философии. ТГ – идеология, адекватная породившим ее условиям и новому типу социального субъекта: ослабление наций-государств и формирование информационного контура глобального общества, новой инфраструктуры коммуникации как пространства всеобщего материального и духовного обмена, нового социального субъекта – «сообществ», мобилизованных для борьбы за личные права и самоопределение в антропологической сфере. Конструируемому в экспериментальном режиме образу жизни придается нормативное значение. ТГ отвечает императиву глобализации как культурная идеология, поскольку культура интерпретируется им как универсум методов, средств и технологий, которые позволяют человеку рационально воздействовать на самого себя. Рациональность в ТГ выступает высшей ценностью, критерием оценки и отбора нормативных конструкций будущего, осваиваемых сообществами (меньшинствами), подчеркнуто лишенными черт этнической принадлежности и культурно-исторического своеобразия.

Рассматриваются критические аргументы и полемика с ТГ в религиозном дискурсе. Обсуждается идеологический статус ТГ. Прослеживается радикализация в ТГ идей

© Щербина А. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

либерализма и коммунизма. ТГ исследуется в качестве платформы, объединяющей идеологические субкультуры сообществ, ориентирующихся на «рациональность», для анализа которой привлекается потенциал неклассической социологии.

Заключение. ТГ – утопия в специфическом смысле: это социально-антропологическая практика, представленная в теоретическом сознании образом будущего, а в практическом – экспериментальным настоящим. Социальные последствия распространения идеологии ТГ мы должны оценивать одновременно методами исторического анализа и футуристического моделирования.

Ключевые слова: трансгуманизм, рациональность, идеология, автономия, типы рациональности, трансцендентное, сообщества, меньшинства, социально-антропологическая практика.

Для цитирования: Щербина А. В. Трансгуманизм в аналитических перспективах классической и неклассической социологии // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 3. С. 76–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-78-93

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.04.2020; принята после рецензирования 14.05.2020; опубликована онлайн 25.06.2020

Transhumanism in Analytical Prospects of Classical and Non-Classical Sociology

Alexandra V. Shcherbina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ashcherbina@list.ru

Introduction. The purpose of the study is to analyze and generalize the views on transhumanism (TH), presented in the modern discourse, and conceptual approaches to assessing the consequences of its spread. The relevance of the sociological analysis of TH is determined by the intensity of discussions and the inconsistency of its assessments in social media and the expert community, the growth of its international influence and the threats of the implementation of new norms set by the ideology of TH. The scientific novelty of the work consists in a typological interpretation of the concept of TH in its activity and information and communication aspects.

Methodology and sources. In the work the results of studies presented in domestic and foreign publications on TH are used, as well as the materials of the public pages of the online communities Transhumanism and Transhumanism Without Borders in the social networks VKontakte and LiveJournal. Explanatory models of classical and non-classical sociology are involved: the theory of imitation of G. Tarde, the sociocultural approach of E. Durkheim, the structural-functional analysis of T. Parsons, the genealogical analysis of M. Foucault, the theory of rationality of J. Habermas. The historical-genetic method is used, which is adequate to the individualizing nature of socio-historical knowledge.

Results and discussion. TH is a new global ideology that configures images of the social world dating back to archaic myths with representations of a synthetic theory of evolution, technoscience, and social philosophy. TH is an ideology adequate to the conditions that gave rise to it and a new type of social subject: weakening nation-states and the formation of the information contour of global society, a new communication infrastructure as a space for universal material and spiritual exchange, a new social subject – “communities” mobilized to fight for personal rights and self-determination in the anthropological field. The lifestyle constructed in the experimental mode is given a normative value. TH meets

the imperative of globalization as a cultural ideology, since it interprets culture as a universe of methods, tools, and technologies that allow a person to rationally influence himself. Rationality in the TH is the highest value, a criterion for assessing and selecting the normative constructions of the future, developed by communities (minorities), which are underlined by features of ethnicity and cultural and historical identity.

Critical arguments and polemics with TH in religious discourse are examined. The ideological status of TH is discussed. There is a radicalization in the TH of the ideas of liberalism and communism. TH is being studied as a platform uniting the ideological subcultures of communities oriented toward "rationality", the analysis of which draws on the potential of non-classical sociology.

Conclusion. TH is a utopia in a specific sense: it is a socio-anthropological practice, represented in the theoretical consciousness as an image of the future, and in practical terms as an experimental present. We must evaluate the social consequences of the spread of the ideology of TH at the same time by methods of historical analysis and futuristic modeling.

Key words: transhumanism, rationality, ideology, autonomy, types of rationality, transcendental, communities, minorities, socio-anthropological practice.

For citation: Shcherbina A. V. Transhumanism in Analytical Prospects of Classical and Non-Classic Sociology. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 3, pp. 76–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-3-78-93. (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.04.2020; adopted after review 14.05.2020; published online 25.06.2020

Введение. Трансгуманизм дискурсивно разрабатывает образы, интерпретированные в кино, литературе, музыке, и своими эпатажными идеями (замороженные «пациенты», рукотворное бессмертие и счастье, загрузка сознания, искусственная жизнь, распределенная личность) действует на массовое сознание, пугая и восхищая. В умеренных формах он уже вполне оестествился: его доводы различимы в «народной науке», входят составной частью в широко разделяемые социальные представления.

Связь ТГ с религией, наукой и эволюционной парадигмой, обсуждение перспектив научно-религиозного спасения делают его важнейшей темой современной культуры. ТГ как «интеллектуальное течение» (Э. Дюркгейм) имеет вполне респектабельный облик способа интеграции достижений различных наук: экспериментальной медицины, геронтологии, нейрофизиологии, когнитивистики, искусственного интеллекта и нейросетей. Борьба с болезнями и старением, достижение неограниченного долголетия (иммортиализм), расширение физических и интеллектуальных возможностей человека на индивидуальном и групповом уровне – на этом должны быть сконцентрированы усилия специалистов разного профиля. В массовом сознании ТГ представляется технаучной программой, интегрирующей результаты отраслевых исследований, отражающей общественный запрос на научное знание и его технические приложения в противоположность частнособственническим, только коммерческим интересам. Концептуализированный ТГ поднимает значимые вопросы и проблематизирует устоявшиеся в социогуманитарном знании положения. Его провокационная, побуждающая к прояснению собственных позиций роль подтверждается полемическими аргументами, которые выдвигаются за и против ТГ в различных дискур-

сах: религиозном (христианском, буддийском), политико-идеологическом (левом и правом), философском (включая историко-философский), педагогическом, медицинском и пр.

В настоящий момент в России дискуссия о ТГ только набирает обороты. Как она разворачивается и освещается в экспертном сообществе, официальных СМИ и социальных медиа, само по себе достойно быть предметом внимания. Оценки ТГ полярны. «Дискуссия о трансгуманизме приобрела всемирный характер, впрочем, как и трансгуманистическое движение, которое не знает государственных границ. На одной стороне в дискуссии стоят ярые сторонники этой доктрины, видящие в ней новое мировоззрение, направленное в будущее. На другой – непримиримые критики, характеризующие трансгуманизм как «наиболее опасную в современном мире идею» [1]. Вариативен прогноз потенциала расширения влияния ТГ. «Это сообщество внутри общества, чьи идеи вызывают интерес только у своих единомышленников, не находя особого отклика у широкого круга общечеловечности. Так что в обозримом будущем вряд ли стоит ожидать от этого движения хоть сколько-нибудь серьезного влияния на социум XXI века» [2]. «В отечественной культуре, где по причине 70-летнего торжества идеологических и технократических тенденций роль гуманитарных наук не очень высока, идеология трансгуманизма настойчиво пробивает себе дорогу» [3]. «Молодежь иначе воспринимает трансгуманистическую идею, нежели представители старших поколений, что показали проведенные в 2016 г. в университетских городах России эмпирические исследования» [1]. Обнаруживаются симптомы «трансгуманистического поворота» отечественного образования» [4]. Судя по поддержке, которую ТГ получает в РФ со стороны официальной науки, ряда корпораций с государственным участием и в СМИ, и не разделяя излишне алармистские оценки ТГ отдельными исследователями (О. Четверякова, А. Дугин), нельзя не отметить, что перспективы его в нашей стране неплохи. Полагаю, что влияние этого «течения общественного мнения» будет нарастать по мере распространения и интернализации в России глобальных западных социокультурных норм, образцов успешной социализации и связанных с ними субкультур (в соответствии с открытым Г. Тардом законом подражания периферии центру).

ТГ позиционирует себя в качестве направления (подхода, концепции) в философии и глобального общественного движения. Анализ притязаний ТГ на наследование, разрыв, создание философских традиций и идей – дело историка философии¹. Мы же посмотрим на ТГ в аналитических перспективах классической и неклассической социологии.

ТГ принадлежит к «социальным фактам», которые «дают почувствовать свою силу оказываемым им сопротивлением» [5, с. 31]. Сопротивление имеет двоякий смысл. Во-первых, наличествует принудительная сила, формирующая «подражания»: верования и обычаи, определенную организацию, и во-вторых, наличествует противодействие ей. Г. Тард описывает это как «логическую дуэль» подражаний. «Круг подражания», инспирированный центром – «новым образцом, новым обычаем, новой идеей», расширяется вплоть до столкновения с волной из другого центра. Другой центр – назовем его «традиционным гуманизмом» – также дает почувствовать свою силу: дискурс традиции (обращение к традициям, озабоченность их сохранением в новых условиях, обнаружение в традиции ресурсов и возможностей, традиционализм как установка) представлен довольно широко в повестке СМИ, в социальных медиа, в политике и в законотворчестве (яркий све-

¹ Блестящий философский анализ трансгуманизма дан в работах С. С. Хоружего.

жий пример – дискуссия, развернувшаяся в нашей стране в связи с принятием поправок к Конституции РФ о Боге, русских, государствообразующем народе, супружестве, семье).

Методология и источники. В работе использованы данные ВЦИОМ, результаты социологических исследований Институты социологии и психологии РАН, ВШЭ, результаты авторских социологических исследований (опросы, интервью, контент-анализ публичных страниц онлайн-сообществ, продвигающих ТГ) и исследований, представленных в отечественных и зарубежных публикациях о трансгуманизме. Привлекаются объясняющие модели классической и неклассической социологии, использующие структурно-функциональный анализ, типологический подход, генеалогический анализ. Используется историко-генетический метод, адекватный индивидуализирующему характеру социально-исторического познания, неразрывно связанного с ценностями самого исследователя.

Результаты и обсуждение. ТГ – новая глобальная идеология, которая конфигурирует образы социального мира, восходящие к самым архаичным мифам (темное прошлое, светлое будущее), с представлениями о человеке, его «биосоциальной» сущности, деятельности и природе социального мира, разделяемыми творцами и популяризаторами синтетической теории эволюции, технотехники, социальной философии. Человек способен к самоизменению. В этом и состоит его свобода: творить себя посредством собственных энергий и сил.

ТГ – идеология, адекватная породившим ее условиям и новому типу социального субъекта. Среди этих условий базовыми, на наш взгляд, являются следующие:

1. Ослабление наций-государств и формирование информационного контура глобального общества, глобальных информационных и финансовых рынков. В условиях кризиса представительской власти и сужающегося поля, на котором публичная государственная власть может принимать и реализовывать решения, происходит усиление непубличной власти («deep state»), обладающей огромными финансовыми и информационными возможностями и имеющей доступ к инструментам обеспечения внешней и внутренней безопасности.

2. Формирование новой инфраструктуры коммуникации как пространства всеобщего материального и духовного обмена, в котором различия между коммуникацией, обработкой информации и управлением стираются.

3. Формирование нового социального субъекта – «сообществ». Сообщества (меньшинства) подчеркнуто дистанцируются от всех традиционных измерений: этнонациональных, культурно-исторических, социально-экономических. Современные информационно-коммуникативные технологии и социальные медиа открывают беспрецедентные возможности для борьбы за личные права и самоопределение в антропологической сфере, для продвижения экспериментирования с телом, полом, возрастом, семьей, и даже – со своим прошлым (так называемые альтернативные археология, история). Конструируемому в экспериментальном режиме образу жизни придается нормативное значение. ТГ – идеология (по типу – утопия, согласно К. Мангейму) сообществ (меньшинств), которые претендуют на публичное внимание, предлагая нормативные конструкции будущего.

ТГ – идеология, ориентированная на массового потребителя, которому дается возможность уже сегодня почувствовать себя авангардом человечества будущего, имеющим право и даже обязанность сделать это будущее обязательным. По мере кристаллизации новых социальных интересов, радикальных изменений в социальной структуре и доходах всех социальных групп, упадка и фрагментации идеологий классов и классовой борьбы,

наций (политических и культурных) и национальных государств, формируется множество идеологических субкультур, поощряемых ТГ. Подчеркнутый отказ от обсуждения проектов социального и политического освобождения людей, деполитизированная концепция совершенства оборачиваются разрывом с демократическим проектом и сближают ТГ с либертарианским индивидуализмом. Но ключевые для последнего идеи автономии и рациональности в ТГ переосмысляются. «Постнеклассическая» (Степин) или «субстанциальная» (Хабермас) рациональность, порвав с автономным разумом и «природой человека», обнаруживает себя в социально-антропологическом экспериментировании – там, где открывается возможность существовать, действовать и мыслить по-другому. Право на эксперимент – вот в чем видит автономию приверженец ТГ. Рациональность для трансгуманистов – социальная категория и синоним блага. ТГ отвечает императиву глобализации как культурная идеология, поскольку культура интерпретируется им как универсум средств, методов и технологий, которые позволяют человеку рационально воздействовать на самого себя. Рациональность выступает высшей ценностью, критерием оценки и отбора нормативных конструкций будущего, осваиваемых сообществами (меньшинствами), подчеркнутыми лишенными черт этнической принадлежности и культурно-исторического своеобразия.

Христианское богословие и теология справедливо рассматривают ТГ как опасного конкурента. Патриарх РПЦ Кирилл недвусмысленно определил ТГ как антихристианство [6]. Это взаимно: ТГ агрессивен по отношению к христианству, в первую очередь к православию, в отличие, скажем, от буддизма, к которому ТГ «проявляет» симпатию, не говоря уже о целом наборе суррогатов религии типа нью-эйдж. В христианстве трансцендентное трансцендентно в том буквальном смысле, что само различие имманентного и трансцендентного и их связь – трансцендентны. Человек ограничен. Только божественная благодать (трансцендентное) выводит человека за его границы. ТГ, напротив, предлагает веру в возможность их преодоления самим человеком. Тогда принципиальное значение имеет вопрос о том, в чем именно состоит ограничение. Это – смерть, главный враг человечества. Обещание победы над смертью превращает ТГ в светскую эсхатологию, изгоняющую Бога из мысленного горизонта современного человека, в религию человекобожества. Противостоять ей, как справедливо указал В. Катасонов, с позиции светского гуманизма невозможно. «В чисто эволюционной парадигме возможностей для сопротивления нет. Только если мы придаем абсолютное значение человеческой жизни, во всей конкретности его духовно-материального существа, только тогда существует идейная опора для борьбы с идеологией трансгуманизма. Для признания же абсолютного значения человеческой жизни необходима связь человека с Абсолютом, с Богом» [3]. Динамичная и открытая человеческая природа включает в себя телесность, изменчивость и страдательность: признание и принятие ограничений («жала в плоть») и побуждают человека к спасению. Для христианина любая риторика, призывающая отказаться от человеческой природы и ее нормативного значения, неприемлема: теозис зависит от разделения человеческой природы со Христом.

Многие исследователи, открыто заявляющие о неприемлемости ТГ в ценностном измерении, признают его будоражащую, провокационную роль. ТГ – вызов богословам и теологам, которые призваны воспроизводить, разъяснять и уточнять для современного сознания христианское понимание отношения души и тела, тварности и божественности, провиденциального значения физического тела как места сосуществования человека со всей тварью, с ма-

териальным миром, ответственности человека за творение, защиту его от разрушения, возможности сотворчества, синергии Божественного замысла и человеческих усилий,кратно выросших благодаря науке и технологиям. Диалог с ТГ заставляет церковь занимать позицию, формулировать свое отношение к технологиям (внешним и внутренним, органическим и посторганическим [7], жестким и мягким [8]), вторгающимся в человеческое тело. По мере разработки и практического применения этих технологий неизбежно воспроизводится нормативная трилемма – терапии, улучшения и выхода за пределы человеческого состояния, требующая этического обоснования практических, в том числе правовых решений [9].

Вызову, бросаемому христианской антропологии трансгуманистическим призывом преодолеть рабское отношение к трансцендентному и обещанием «вы будете как боги», христианская антропология противопоставляет: «мы уже как Бог». При этом в католическом богословском дискурсе признается, что определенные аспекты понимания человека как *imago Dei* (синергия, пролепсис) открыты для союза с технологической трансформацией – биологическим улучшением и интеллектуальным усилением людей [10]. Отдельные представители реформаторского богословия проявляют благосклонность к ТГ, признают его функциональность для осознания человеческой ответственности за творение, поскольку ТГ побуждает к коллективному оптимизму и международному сотрудничеству [11], очерчивает некое символическое пространство («мера, отличная от человека»), в котором моделируются перспективы человека на будущее [12].

Умеренному ТГ, «основанному на сострадании», сочувствуют представители восточной духовности, в особенности в ее экспортной форме, транслируемой по каналам культурной глобализации. ТГ при условии соответствующей прививки, избавляющей его от западного индивидуализма и эгоцентризма, кажется вполне приемлемым [13, 14]. Западные буддисты утверждают, что буддийская доктрина имеет явные преимущества перед авраамическими религиями и способствует размышлениям о постчеловеческом будущем. Начиная с девятнадцатого века, многие азиатские и западные буддисты преуменьшают суверенные аспекты буддизма, утверждая его совместимость с наукой и представляя медитацию как технологию совершенствования человека. Уже несколько десятилетий буддийские учителя сотрудничают с нейробиологами, изучая неврологические и поведенческие эффекты медитации. Обсуждается возможность соединения медитативных практик с новыми нейротехнологиями для повышения самоконтроля, сострадания, понимания, достижения измененных состояний сознания. Буддизм и ТГ имеют сходные цели: избавление человека от страдания и просветление. ТГ и поощряемые им технологии дают последователям буддизма новые средства, позволяющие эффективнее достигать традиционных целей [15].

Интеграция буддийской психологии и этики с современными бионейротехнологиями позволит создать программу «нейротехнологического морального развития» человека [16]. Некоторые исследователи отмечают, что этическое требование использовать технические приложения науки для улучшения окружающей среды и человеческой природы скорее тяготеет к пантеизму, к космическому решению проблемы зла: люди как часть мира – бесконечной жизни Бога – должны использовать все средства, включая технонаучные, чтобы зло ушло из божественного существа [17]. XXI в. демонстрирует радикальную смену парадигмы духовности. Происходит детерриторизация религии и духовности по отношению к метафизической системе и ретерриторизация их в рамках рационально-научной системы.

В результате принципиально меняются наши представления о механизмах личностного развития. Пересматриваются традиционные методы «заботы о себе», появляются новые, гораздо более эффективные технологии усовершенствования себя за счет экстропии, что позволяет говорить о «технорелии» и «технодуховности» [18].

Является ли ТГ идеологией? Идеология в классическом смысле – констелляция социально-политических идей, основываясь на которых некий субъект отстаивает свой мировоззренческий взгляд на общество и перспективы политического действия. ТГ вроде бы на это не претендует. Сомнение относительно идеологического статуса ТГ и один из самых часто выдвигаемых упреков в его отношении связаны с отсутствием в нем социально-политического проекта, ясных представлений о лучшей версии «человеческого общежития» [19]. Думается, что такой проект есть. И вписан в парадигму глобального капитализма. Чтобы адекватно оценить самодистанцирование ТГ от всех классических идеологий и их изрядно скомпрометированных социально-политических проектов, нелишним будет вспомнить, насколько в XX в. было идеологизировано само понятие идеологии: концепты идеологии как «ложного извращенного сознания», «научной идеологии», появление идеологии, утверждающей, что в эпоху деидеологизации «идеологии нет». И насколько идеология как один из типов знания, одна из когнитивных символических систем зависит от порождающих ее социальных условий и, в свою очередь, формирует их. Еще в дискурсе франкфуртской школы было ярко показано, как идеология в качестве политической и культурной гегемонии (А. Грамши) проникает во все сферы общества: искусство, повседневные практики, массовую культуру. Сплаваясь с современными технологиями, она переходит от методов, средств и технологий идеальных, сублимированных, к методам материальным, десублимированным, воздействующим непосредственно на нервно-физиологический субстрат индивида. Ирония заключается в том, как в очередной раз «грех возведен в добродетель»: то, что у поколения старой франкфуртской школы вызывало протест, воспринималось как угроза, рассматривалось как властное принуждение, трансгуманистами теперь продвигается в качестве способа достижения индивидуальной самореализации. А капитализм в очередной раз «вбирает в себя критику» и обновляется.

Дискуссию с ТГ ведут и правые, и левые идеологи. Ф. Фукуяма, в свое время возвестивший о том, что у либеральной идеи не осталось жизнеспособных альтернатив, видит в ТГ главную угрозу либерализму и его нерву – идее естественного права, естественного закона, предрекает конфликт в социальной, политической и экономической сферах людей и постлюдей. По мере того как вместе с государственным социализмом исчезала вера в жизнеспособную альтернативу политическому либерализму, левые в дискурсе постсоциализма заговорили о неприятии классовой борьбы, об открытости новым общественным движениям и политикам идентичности и обнаружили идейное родство с ТГ. ТГ – это вызов левым, которые дезориентированы, неспособны в условиях экологического кризиса и политики постправды противостоять социальной деструкции [20]. ТГ в условиях паралича политической активности, сводящейся к протестам против несправедливости и раздробленности общества, дает выход тревоге и страхам, формирует новый тип агента – не общество, а сообщества (меньшинства). Показателен в этом плане социальный состав участников протестных выступлений в Москве летом 2019 г. В уличных протестах (несанкционированных митингах) принимала участие не только либеральная интеллигенция, твердо стоящая на

своей идейно-политической базе и имеющая поддержку на Западе, но и левая молодежь, разочарованная отсутствием социальных лифтов, не организованная и не определившаяся идеологически. ТГ, обращенный к молодежи, выступает новой идейно-методологической культурно-просветительской силой, очерчивающей социальное пространство, в котором предлагается творчески воссоздать традиционные культурные формы: агоры, театры, литературу, музыку, биографию, историю.

Интересная исследовательская перспектива открывается для социологического анализа ТГ как платформы, объединяющей идеологические субкультуры статусных групп (сообществ, меньшинств), культивирующих определенный стиль жизни и общения, поддерживаемого сетевыми технологиями. Какие субкультуры и социальные практики поощряются трансгуманизмом? Каким поведенческим образцам и ценностным ориентациям придается нормативный смысл, позволяющий конструктивно относиться к будущему как к выбору и сценарию?

Обратимся к кейсу: характерному образцу «народно-научного» анализа регионального (район залива Сан-Франциско) ландшафта субкультур [21]. Отобранные автором субкультуры характеризуют сообщества, подчеркнуто лишенные черт этнической принадлежности и культурно-исторического своеобразия, но приверженные специфически понимаемой рациональности.

1. Культура ученых-компьютерщиков, создателей искусственного интеллекта, работающих в компаниях Intel, IBM, Google и Microsoft, в Стэнфорде и Калифорнийском университете в Беркли. Их фундаментальный вклад в обоснование рационального подхода состоит в следовании идее, согласно которой мышление – это решение задач по оптимизации с учетом ограничений условиями и ожидаемыми результатами.

2. Стартап-культура, в частности, и бизнес в целом рассматриваются как хорошая тренировка рациональности в реальном мире: вы проверяете свои теории и обновляете свои модели или терпите неудачу. Стартап-культура ориентирует на принцип «попробуй быстро», в противоположность привычке бесконечно теоретизировать и планировать. Соответствующий ей мем – «думай масштабно, будь амбициозным», к которому приложен измерительный инструмент: шкала амбиций Юдковского.

3. Хакерская культура возникла в Массачусетском технологическом институте в конце 1950-х гг. (история «русских хакеров» еще ждет своего исследователя). Первое поколение программистов открыто игнорировало предписанные статусы, возраст, дипломы и оценивало людей только по полезности того, что они могли создать. Позднее формирующаяся хакерская этика также включила в себя призыв исправлять неэффективные социальные системы (институты) в обход бюрократии, путем создания творческих альтернатив таким учреждениям как правительство, образование и здравоохранение.

4. Восточные духовные практики йоги на Западе лишились своего традиционного духовного значения и обрели популярность благодаря декларируемой их адептами пользе для психического и физического благополучия. В частности, медитация стала обычным явлением среди рационалистов. Наши мысли могут быть или не быть правдивыми, полезными или вредными. По мере овладения медитацией человек учится воспринимать свои мысли как нечто, созданное мозгом, разотождествляться с ними и таким образом достигать рационализации жизненного мира.

5. Движение за раскрытие потенциала человека. Термин «человеческий потенциал» восходит к циклу лекций, который Олдос Хаксли прочел в новаторском институте Эсален, открытом в 1962 г. [22, с. 199]. Развернутая О. Хаксли аргументация относительно способности человека и его мозга к большему пониманию, разнообразию опыта и самореализации стала опорой контркультуры в ее поисках альтернативных способов жизни, путей реализации людьми своего «потенциала» с помощью таких действий, как ролевые игры, первобытные крики, групповая терапия, ненасильственное общение, радикальная честность и внутренние семейные системы. Практики человеческого потенциала охватывают широкий спектр методов самореализации и самоусовершенствования: от здравого смысла, поддерживающей психотерапии до откровенного мистицизма. Что же роднит их с рациональной культурой? То, что они являются источником гипотез относительно «лучших версий самих себя», даже если у них нет теоретических моделей, объясняющих их полезность.

6. Альтернативные образы жизни. Дестигматизация ЛГБТ-сообществ, альтернативной сексуальности и любых нестандартных жизненных сценариев разрушает наивную веру, повышает рациональность, помогая отстраниться от приверженности своему символическому универсуму и рассмотреть варианты, которых в нем не было, расширяет пространство гипотез о том, как жить.

7. Эффективные альтруисты – социальное движение, отчасти наследующее движениям за социальную справедливость 1960-х гг., но переориентированное на использование новых технологий для общественного блага. Эффективные альтруисты полагают, что обучение лиц, принимающих решения, рациональности является одним из наиболее эффективных способов улучшить будущее. Они близки к сегменту культуры стартапов, известному как «социальное предпринимательство», которое фокусируется на глобальных проблемах.

Социальные связи между предпринимателями, инвесторами, инженерами, эффективными альтруистами, рационалистами, трансгуманистами поддерживаются в профессиональных контактах, в социальных медиа и укрепляются ежегодно проводимыми мероприятиями – фестивалями (например, «Burning Man» в пустыне Невада), конференциями и т. п. Что же их объединяет? И что позволяет в этих практиках увидеть нормативные конструкции будущего? Ответ симптоматичен: «рационалистическая культура».

Социальные представления о рациональности в западной культуре исторически менялись. Воспользуемся предложенным В. С. Степиным различием классической, неклассической и постнеклассической рациональности [23]. Данные типологические понятия позволяют обсуждать не только научную рациональность (совокупность норм и правил научного исследования и изложения его результатов), но и рациональность как характеристику поведения людей. Представления о научной рациональности сформировались к XVII в., когда разум был осмыслен как автономный источник научного познания и противопоставлен Божественному откровению. Рациональные (научные) представления – последовательные (дедуктивные и индуктивные), непротиворечивые, соответствующие опыту и фактам. Классический тип рациональности – чистая объективность, устранение всего, что не относится к познаваемому объекту. Неклассический предполагает экспликацию не только объекта, но и средств познания. Постнеклассический легитимирует ценности субъекта в качестве ориентира познания. В современной философии науки понятие рациональности утратило свой универсальный смысл, рациональность концептуализируется в

понятиях научной парадигмы (Т. Кун, С. Тулмин), в разрабатываемых в неопозитивизме и аналитической философии моделях научного дискурса. Социология в лице М. Вебера предложила предельную проблематизацию понятия рациональности и связала последнюю с модернизацией традиционных социальных образований. В неклассической социологии, развиваемой Ю. Хабермасом и М. Фуко, была выявлена ее антиномичность: одушевляющая проект модерна рациональность несет в себе не только конструктивные (экономическая и политическая организация, наука, техника, производство), но и деструктивные (разрушение жизненного мира, первичных взаимодействий людей, автономии) силы. Системная (формальная) рационализация жизненного мира искажает идеальную межличностную коммуникацию. Ю. Хабермас противопоставляет претендующей на универсальность формальной рациональности «коммуникативный разум», рациональность субстанциальную, коренящуюся в «инфраструктуре языка, познания и действия», и обосновывает неизбежность ее теоретического и практического освоения: конструктивного вторжения в сферу родства, сексуальности, этничности, семьи, веры, т. е. всей той социальности, которая регулировалась традицией. Фуко прослеживает, как интерес к сущностному ядру рациональности – к автономному разуму и его свободному, публичному и всеобщему применению, который был присущ историческому Просвещению, сместился в сферу исторического исследования событий, в том числе единичных, случайных, произвольных, которые конституировали нас самих, наши способы жить, действовать, мыслить и полагать их как необходимые, всеобщие и обязательные. Отсюда, как и у Хабермаса, призыв: нужна практическая критика, преодоление этих способов, продолжение «работы свободы» – конституирования нами нас самих как автономных субъектов. Контркультурные движения (биопанк, киберпанк, взломы и апгрейды тела, биохакинг), сообщества, практикующие, согласно призыву «do it yourself», науку [24], эволюцию (!) [25], историю [26] – свидетельства того, как расслышан и понят этот призыв сегодня.

Рационализм в либеральной идеологии двоился на утверждение разумности человека в смысле его способности законодательствовать в собственной природе (кантовский «исход в совершеннолетие») и на особую установку по отношению к морально-практическим, этическим проблемам: они решаются как последовательность задач в рамках общественного договора. Здесь неизбежны пробы и ошибки, экспериментирование, и востребована психологическая готовность к нему. Коммунизм с его марксистскими тезисами о превращении науки в непосредственную производительную силу, с пафосом радикального разрыва с семьей, частной собственностью и государством опередил современный ТГ на столетие. В условиях заката либеральной и коммунистической идеологий ТГ активно утилизирует их идеи, смыслы, социальные представления и технократические предрассудки и радикализирует их. Идея автономного индивида и его прав, обладающих субстанциальным приоритетом по отношению к воле сообщества, трансформируется в представление о возможности законодательствовать в собственной природе буквально: конструктивно вторгаться в собственный поведенческий организм, в свою биологическую предпосылку.

Применение системной методологии Т. Парсонса позволяет обрисовать масштабность социальных изменений, неминуемо вызываемых трансформациями в поведенческом организме и осуществляемой им функции адаптации к физико-химическому окружению. То, что было сферой условий и ограничением, к которому нужно было приспособляться посред-

ством изменения окружающей природы, теперь становится предметом рационального осмысления и конструктивного вторжения, которые отождествляются. Биохакинг, киборгизация, редактирование генома – вот поощряемые направления для приложения сил, для экспериментирования. Изменения в способе адаптации требуют перестройки иерархии целей, типов личности, углубляют функциональную дифференциацию, меняют способы интеграции, конфигурацию сообществ, нормативные порядки (нормы из ценностей не дедуцируются), ведут к нарастанию аномии, к культурным трансформациям. Трансгуманистические ценности соответствуют идеально-типическим чертам «органической солидарности», выделенным Э. Дюркгеймом: малый объем, низкие интенсивность и определенность, простор для индивидуальной инициативы и рефлексии, подчеркнутая светскость, открытость для обсуждения. ТГ подчеркивает свою аполитичность, неангажированность, «научность».

Парсоновская кибернетическая модель общества ориентирует социологический интерес на анализ изменений ценностно-нормативного порядка. Генерализация ценностей в ТГ налицо: и либерализм, и коммунизм связывали свои перспективы с определенной формой человеческого общежития и адекватными ему образцами коллективного действия, политическими и социально-экономическими институтами. ТГ от всего этого дистанцируется. Вопросы о конкретных формах нравственности человека и устройства общества или полагаются уже решенными, или переносятся на потом как преждевременные и открытые. Отсечение общественно-нравственной проблематики, замена ее обсуждением условий снятия природных ограничений и путей рационального использования природы, включая антропологическую, сообщает ТГ, его этическим суждениям и правовым требованиям респектабельность научного подхода. При этом акцентирование моделирующих функций научного знания и верное утверждение, что общественные проблемы должны анализироваться с научной точки зрения, произвольно конвертируются в тезис о том, что научно-техническое решение проблем – единственный действенный способ улучшить положение человека.

Заключение. ТГ унаследовал и радикализировал претензии на универсальность, характерные и для коммунизма, и для либерализма: «рациональное мышление» сочетается и с подчеркнуто светскими, и с мистическими воззрениями, и с автономным индивидом, и с ассоциацией. Оно противостоит любому групповому эгоизму, любому вмененному или произвольному разделению людей в глобальном мире по цивилизационным, культурно-историческим или социально-экономическим признакам.

ТГ принципиально лишен возможности исторического наследования. Нельзя наследовать нечто, не воспроизводя его, т. е. вне традиции. Поэтому вопрос не столько в том, является ли ТГ очередной религией человекобожества, а в том, какие новые формации и субъективности возникают в глобальном взаимодействии религии, духовности, науки, техники. Как власть, технологии и идеологии меняют наш способ быть людьми. Трудности и опасения, переживаемые сегодня, во время пандемии Covid-19, всеми, независимо от гражданства и этнической принадлежности, актуализируют самоочевидные доводы трансгуманистов: биологическая природа человека хрупка, человечеством накоплен «генетический груз» – все усилия нужно направить на разработку технологий, которые в перспективе сделают человека неуязвимым для болезней. Вспомним Джулиана Хаксли, кстати, автора термина «трансгуманизм». Последовательный критик национал-социализма и расизма, Хаксли называл себя сторонником научного гуманизма. Он полемизировал со старыми евре-

никами: для понимания того, как действует отбор, как его направить, чтобы сохранить или элиминировать определенные признаки, необходимо «сконцентрироваться на создании единой равной среды» для всех. Такой либеральный подход не помешал Дж. Хаксли склониться к вполне мальтузианским выводам о необходимости принятия мер по сокращению численности населения планеты и стерилизации представителей низших классов [27]. Разделяемая в современном социогуманитарном знании концепция биосоциальной сущности человека сегодня испытывается на прочность. Вновь актуализируется схема интерпретации «гены-среда», а вместе с тем и евгенический дискурс. Мы вновь вынуждены теоретически и практически определяться: заново осознать, как динамичны и изменчивы биологические и социальные характеристики человека, и заново проводить разграничительные линии между ними.

ТГ в аналитических перспективах классической социологии (теория подражания Г. Тарда, социокультурный подход Э. Дюркгейма, структурно-функциональный анализ Т. Парсонса) – это идеология, адекватная породившим ее условиям. С позиций неклассической социологии и понятия субстанциальной рациональности ТГ – это утопия в специфическом смысле. Это социально-антропологическая практика, представленная в теоретическом сознании образом будущего, а в практическом – экспериментальным настоящим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Луков В. А. Трансгуманизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 245–252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20.
2. Полякова О. В. Трансгуманистическое движение как социокультурный феномен // Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. № 17 (97). С. 189–198.
3. Катасонов В. Н. Новая эволюционная утопия: трансгуманизм. 2014. URL: <https://www.pravmir.ru/novaya-evolyutsionnaya-utopiya-transgumanizm> (дата обращения: 30.03.2020).
4. Ильин Г. Л. «Трансгуманизация» современного образования // Высшее образование в России. 2018. № 1 (219). С. 133–142.
5. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.
6. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном акте, посвященном 10-летию Поместного Собора и интронизации Его Святейшества 31 января 2019 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5364415.html> (дата обращения: 30.03.2020).
7. Odorcak J. Exorganic Posthumanism and Brain-Computer Interface Technologies // Postmodern Openings. 2019. Vol. 10, № 4. P. 193–208. DOI: <http://dx.doi.org/10.18662/po/103>.
8. Belk R., Humayun M., Gopaldas A. Artificial Life // J. of Macromarketing. 2020. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0276146719897361> (дата обращения: 30.03.2020).
9. Campione R. A vueltas con el Transhumanismo: cuestiones de futuro imperfecto | Dealing with Transhumanism: Issues about the Future Imperfect // Cuadernos Electronicos de Filosofia del Derecho. 2019. № 40. P. 45–67. DOI: <https://doi.org/10.7203/CEFD.40.13881>.
10. Peters T. Imago Dei, DNA, and the Transhuman Way // Theology and Science. 2018. Vol. 16, № 3. P. 1–10. DOI: 10.1080/14746700.2018.1488529.
11. Pohar B. Transhumanism in the Service of Human's Responsibility for Creation // Bogoslovni vestnik / Theological Quarterly. 2019. Vol. 79, № 3. P. 643–656. DOI: <https://doi.org/10.34291/BV2019/03/Pohar>.
12. Biancu S. The Human Measure and the (Impossible?) Legacy of Humanism Guest Editor's Preface // Etica & Politica / Ethics & Politics. 2019. Vol. 21, № 2. P. 9–23. DOI: 10.13137/1825-5167/28131.

13. Jung D. Transhumanism and the Theology of Xiang: Deconstructing Transhumanism's Self-Centered Epistemology and Retrieving a Communal Sense of Being // *Theology and Science*. 2019. Vol. 17, iss. 4. P. 524–538. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2019.1670966>.
14. Goecke B. Moderate Transhumanism and Compassion // *J. of Posthuman Studies*. 2018. Vol. 2, № 1. P. 28–44. DOI: 10.5325/jpoststud.2.1.0028.
15. Latorra M. What Is Buddhist Transhumanism? // *Theology and Science*. 2015. Vol. 13, iss. 2. P. 219–229. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2015.1023993>.
16. Hughes J. Buddhism and Our Posthuman Future // *Sophia*. 2019. Vol. 58, iss. 4. P. 653–662. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11841-018-0669-2>.
17. Goecke B. Panentheism, Transhumanism, and the Problem of Evil: from Metaphysics to Ethics // *European J. for Philosophy of Religion*. 2019. Vol. 11, № 2. P. 65–89. DOI: <https://doi.org/10.24204/ejpr.v11i2.2971>.
18. Schussler A.-E. Transhumanism as a New Techno-Religion and Personal Development: in the Framework of a Future Technological Spirituality // *J. for the Study of Religions and Ideologies*. 2019. Vol. 18, iss. 53. P. 92–106.
19. Quevedo D., Alonso A. Does Transhumanism Have Political Dreams? // *Argumentos de Razón Técnica*. 2019. № 22. P. 138–160. DOI: <http://doi.org/10.12795/Argumentos/2019.i22.06>.
20. Dupret M.-A. The Left in the postmodern storm: The pitfalls of thinking about a policy of more social justice in the era of post-factualism // *Universitas*. 2019. Vol. 31. P. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.17163/uni.n31.2019.04>.
21. Galef J. A map of Bay Area memespace. 2013. URL: <https://www.lesswrong.com/posts/WzPJRNyWhMXQTEj69/a-map-of-bay-area-memespace> (дата обращения: 30.03.2020).
22. Головачева И. В. Наука и литература: археология научного знания Олдоса Хаксли. СПб.: СПбГУ, 2008.
23. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // *Вопр. философии*. 1989. № 10. С. 3–18.
24. Gil L. F. R. Bioethics and counterculture: the Biopunk and DIYBio ethics // *Revista Colombiana de Bioética*. 2019. Vol. 14, № 2. P. 53–63.
25. Brickley L. Bodies without Borders. The Sinews and Circuitry of “folklore+” // *Western Folklore*. 2019. Vol. 78, № 1. P. 5–37.
26. Cook K. EmboDIYing Disruption: Queer, Feminist and Inclusive Digital Archaeologies // *European J. of Archaeology*. 2019. Vol. 22, iss. 3. P. 398–414. DOI: <https://doi.org/10.1017/eaa.2019.23>.
27. Галл Я. М. Евгеника в эволюционной перспективе // Я. М. Галл. Джулиан Сорелл Хаксли. 1887–1975 / отв. ред. акад. А. Л. Тахтаджян. СПб.: Наука, 2004. С. 223–258.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>. E-mail: ashcherbina@list.ru

REFERENCES

1. Lukov, V.A. (2017), “Transgumanizm”, *Knowledge.Understanding. Skill*, no. 1, pp. 245–252. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.20.
2. Polyakova, O. (2012), “The transhumanity movement as a social-cultural phenomenon”, *RSUH/RGGU BULLETIN. Series “Philosophy. Sociology. Art Studies”*, no. 17 (97), pp. 189–198.

3. Katasonov, V.N. (2014), *Novaya evolyutsionnaya utopiya: transgumanizm* [New Evolutionary Utopia: Transhumanism], available at: <https://www.pravmir.ru/novaya-evolyutsionnaya-utopiya-transgumanizm> (accessed 30.03.2020).

4. Ilyin, G.L. (2018), "TRANSHUMANIZATION" OF MODERN EDUCATION", *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 1 (219), pp. 133–142.

5. Durkheim, E. (1995), *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [The Rules of Sociological Method], Transl. by Gofman, A.B., Kanon, Moscow, RUS.

6. *Vystuplenie Svyateishego Patriarkha Kirilla na torzhestvennom akte, posvyashchennom 10-letiyu Pomestnogo Sobora i intronizatsii Ego Svyateishestva 31 yanvarya 2019 g.* [Speech by His Holiness Patriarch Kirill at a ceremony dedicated to the 10th anniversary of the Local Council and the intronization of His Holiness January 31, 2019], available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5364415.html> (accessed 30.03.2020).

7. Odorcak, J. (2019), "Exorganic Posthumanism and Brain-Computer Interface Technologies", *Postmodern Openings*, vol. 10, no. 4, pp. 193–208. DOI: <http://dx.doi.org/10.18662/po/103>.

8. Belk, R., Humayun, M. and Gopaldas, A. (2020), "Artificial Life", *Journal of Macromarketing*. available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0276146719897361> (accessed 30.03.2020).

9. Campione, R. (2019), "A vueltas con el Transhumanismo: cuestiones de futuro imperfecto | Dealing with Transhumanism: Issues about the Future Imperfect", *Cuadernos Electronicos de Filosofia del Derecho*, no. 40, pp. 45–67. DOI: <https://doi.org/10.7203/CEFD.40.13881>.

10. Peters, T. (2018), "Imago Dei, DNA, and the Transhuman Way", *Theology and Science*, vol. 16, no. 3, pp. 1–10. DOI: [10.1080/14746700.2018.1488529](https://doi.org/10.1080/14746700.2018.1488529).

11. Pohar, B. (2019), "Transhumanism in the Service of Human's Responsibility for Creation", *Theological Quarterly*, vol. 79, no. 3. P. 643–656. DOI: <https://doi.org/10.34291/BV2019/03/Pohar>.

12. Biancu, S. (2019), "The Human Measure and the (Impossible?) Legacy of Humanism Guest Editor's Preface", *Etica & Politica / Ethics & Politics*, vol. 21, no. 2, pp. 9–23. DOI: [10.13137/1825-5167/28131](https://doi.org/10.13137/1825-5167/28131).

13. Jung, D. (2019), "Transhumanism and the Theology of Xiang: Deconstructing Transhumanism's Self-Centered Epistemology and Retrieving a Communal Sense of Being", *Theology and Science*, vol. 17, iss. 4, pp. 524–538. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2019.1670966>.

14. Goecke, B. (2018), "Moderate Transhumanism and Compassion", *Journal of Posthuman Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 28–44. DOI: [10.5325/jpoststud.2.1.0028](https://doi.org/10.5325/jpoststud.2.1.0028).

15. Latorra, M. (2015), "What Is Buddhist Transhumanism?", *Theology and Science*, vol. 13, iss. 2., pp. 219–229. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2015.1023993>.

16. Hughes, J. (2019), "Buddhism and Our Posthuman Future", *Sophia*, vol. 58, iss. 4, pp. 653–662. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11841-018-0669-2>.

17. Goecke, B. (2019), "Panentheism, Transhumanism, and the Problem of Evil: from Metaphysics to Ethics", *European Journal for Philosophy of Religion*, vol. 11, no. 2, pp. 65–89. DOI: <https://doi.org/10.24204/ejpr.v11i2.2971>.

18. Schussler, A.-E. (2019), "Transhumanism as a New Techno-Religion and Personal Development: in the Framework of a Future Technological Spirituality", *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, vol. 18, iss. 53, pp. 92–106.

19. Quevedo, D. and Alonso, A. (2019), "Does Transhumanism Have Political Dreams?", *Argumentos de Razón Técnica*, no. 22, pp. 138–160. DOI: <https://doi.org/10.12795/Argumentos/2019.i22.06>.

20. Dupret, M.-A. (2019), "The Left in the postmodern storm: The pitfalls of thinking about a policy of more social justice in the era of post-factualism", *Universitas*, vol. 31, pp. 79–95. DOI: <https://doi.org/10.17163/uni.n31.2019.04>.

21. Galef, J. (2013), *A map of Bay Area memespace*, available at: <https://www.lesswrong.com/posts/WzPJRNyWhMXQTEj69/a-map-of-bay-area-memespace> (accessed 30.03.2020).

22. Golovacheva, I.V. (2008), *Nauka i literatura: arkheologiya nauchnogo znaniya Oldosa Khakslia* [Science and Literature: Aldous Huxley's Archeology of Scientific Knowledge], SPbSU, SPb., RUS.

23. Stepin, V.S. (1989), "Scientific knowledge and values of anthropogenic civilization", *Russian Studies in Philosophy*, no. 10, pp. 3–18.
24. Gil, L.F.R. (2019), "Bioethics and counterculture: the Biopunk and DIYBio ethics", *Revista Colombiana de Bioetica*, vol. 14, no. 2, pp. 53–63.
25. Brickley, L. (2019), "Bodies without Borders. The Sinews and Circuitry of "folklore+", *Western Folklore*, vol. 78, no. 1, pp. 5–37.
26. Cook, K. (2019), "EmboDIYing Disruption: Queer, Feminist and Inclusive Digital Archaeologies", *European Journal of Archaeology*, vol. 22, iss. 3, pp. 398–414. DOI: <https://doi.org/10.1017/eea.2019.23>.
27. Gall, Ya.M. (2004), "Eugenics in an evolutionary perspective", *Julian Sorell Huxley. 1887–1975*, Nauka, SPb., RUS, pp. 223–258.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy) (1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>. E-mail: ashcherbina@list.ru